

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВЕРБОИДОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В.С. Сидорец
(Мозырь, Беларусь)

Исследуются различные трансформации вербоидов, обусловленные спецификой их деривационных свойств, в художественном тексте: способностью легко входить в текст, способностью «распадаться» и в результате перераспределять, составляющие их компоненты для корректировки того или иного текстового фрагмента, способностью интеграции вербоидов – объединения в определённый функциональный комплекс нескольких именных предикатов, представляющих «сгусток», фокус значений.

Ключевые слова: вербоид, текст, трансформация.

Verboid transformations are investigated in this article. It is explained by such specific features of their derivational characteristics in the literary text as to enter a text easily, “split” and as a result redistribute their components for further correction of this or that text fragment, integrate verboids with the aim to unite several nominal predicates known as a clot into a definite functional complex, focus of meanings.

Key words: transformation, text, verboid.

Как свидетельствуют исследованные нами различные по стилю тексты, особенно тексты художественные, вербоиды по своим структурно-семантическим, деривационным свойствам относятся к числу важнейших текстообразующих и текстоорганизующих средств в современных восточнославянских языках, что не получило должного отражения в современной лингвистической науке.

Динамизм вербоидов проявляется в повторах их именных компонентов, представляющих эффективный художественный приём, который акцентирует внимание на характере процессуальных фактов: «... важность события, как снежный ком, вырастая всё больше и больше, **получает** совершенно несвойственную своему значению **оценку**, и эта-то преувеличенная, часто до безумия, **оценка** удерживается до тех пор, пока мировоззрение руководителей прессы и публики остаётся то же самое» [1, 334].

Коммуникативной активизации подвержены и глагольные компоненты вербоидов – дериванты: «**Но никакого долга перед народом я никогда не чувствовал и не чувствую**» [2, 159]; «**Она (жизнь. – С. В.) была ещё обвеяна грустью, но как-то удивительно быстро приходила в порядок, приобретая что-то особенно приятное вследствие тех перемен, которые в ней произошли и происходили среди расцветающей и крепнущей весенней красоты**» [2, 114].

Гибкость деривационной структуры вербоидов позволяет им «распадаться» и в результате перераспределять, «передислоцировать» составляющие их компоненты в определённом текстовом фрагменте, чтобы сделать необходимые семантические акценты, скрепить отдельные сег-

менты повествования: «**Митя провожал Катю в студию Художественного театра, на концерты, на литературные вечера или сидел у неё на Кисловке и засиживался до двух часов ночи, пользуясь странной свободой, которую давала ей мать, всегда курящая, всегда нарумяненная дама с малиновыми волосами, милая, добрая женщина (давно жившая отдельно от мужа, у которого была вторая семья)**» [3, 183]; «**Но он и сам не понимал, за что он любил её, хотя чувствовал, что любовь его не только не уменьшается, но всё возрастает вместе с той ревнивой борьбой, которую он вёл с кем-то, с чем-то из-за неё, из-за этой любви, из-за её напрягающейся силы, всё более возрастающей требовательности**» [3, 187]; «**С этого дня он перестал следить за всеми теми переменами, что совершало вокруг него наступающее лето**» [3, 211].

Весьма важным средством является прием «наложения», интеграции вербоидов, когда данные деривационные сочетания, входящие по дериванту в одну типовую деривационную группу [4, 148], объединяются в один комплекс, представляющий своеобразный «сгусток», фокус значений нескольких предикатных существительных – семантических центров вербоидов: «**С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно требователен, и потому, не быв жестоким, он возбуждал к себе страх и почтительность, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек**» [5, 112]; «**Достигнуть Цнайма прежде французов – значило получить болящую надежду на спасение армии; дать французам предупредить себя в Цнайме – значило наверное подвергнуть всю армию позору, по-**

добному ульмскому, или общей гибели» [5, 214]; «Этот человек теперь в силе, я должен **приобрести** его **доверие** и **дружбу** и через него устроить себе выдачу единовременного пособия» [5, 253]; «Вид этот и звуки эти не только не возбуждали в нем какого-нибудь унылого или робкого чувства, но, напротив, **придавали** ему **энергии** и **решительности**» [5, 356]; «Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров, доставления воды, обдиранья лошадей и т. п., скоро **оказал** большую **охоту** и **способность** к партизанской войне» [6, 142]; «Получив известие о Бородинском сражении и об оставлении Москвы, Ростов не то чтобы **испытывал отчаяние, злобу** или **месть** и тому подобные чувства, но ему вдруг все стало скучно, досадно в Воронеже, все как-то совестно и неловко» [6, 30].

Как видим, в отмеченных комплексах слиты вербоиды, именнные компоненты которых могут вступать в частичные отношения синонимии или антонимии: *приобрести доверие и дружбу* = *приобрести доверие* + *приобрести дружбу*; *возбуждать страх и почтительность* = *возбуждать страх* + *возбуждать почтительность* и т. д. Вербоиды *возбуждать почтительность, придавать энергии, придавать решительности, оказывать способность* – единственные средства наименования акционально-статального признака, при этом каждый из них представляет неполный номинативный ряд. Что касается вербоидов *возбуждать страх, подвергнуть позору, подвергнуть гибели, приобрести дружбу*, то они составляют полные номинативные ряды, поскольку имеют однословные коммуникативные эквиваленты *устрашать, опозорить, погубить, подружиться*, которые, однако, не «воспринимаются» текстом, поскольку не имеют необходимых дистрибутивно-семантических свойств, в отличие от синонимичных вербоидов. Так, словоформу *устрашал* не «пропускают» компоненты *к себе, почтительность* и придаточная часть *«каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек»*. Словоформа *опозорить* не контактирует в дистрибутивном отношении с компонентами текста *подобному ульмскому*, имеет в сочетаниях с другими словами элементы просторечно-разговорного характера. Результатом структурно-смысловой ассимиляции с вербоидом *подвергнуть позору* является вербоид *подвергнуть гибели*, вместо словоформы *погубить*. Вербоид с взаимно-возвратным значением *приобрести (его) дружбу* имеет коммуникативный однословный эквивалент

подружиться (с ним), который принципиально допустим в данном тексте, но его не «пропустит» с таким же значением вербоид *приобрести* (его) *доверие*, поскольку он не имеет однословного коммуникативного эквивалента *«поверить»* (с ним).

И, наконец, в последнем примере мы имеем тройной комплекс вербоидов *испытывал отчаяние, злобу* или *месть*, который не дает никаких шансов однословным компонентам *отчаивался, злобствовал* (злился) для вхождения в текст, во-первых, потому, что в языке нет третьего однословного компонента («мстил-ся»), и, во-вторых, потому, что три именных компонента данного комплекса в структурном и семантическом отношении поддерживаются словами «и тому подобные чувства».

На семантику и организацию текста может одновременно работать ряд «мероприятий»: *«Всякий молодой человек, приехавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно своему счастью) улыбающиеся, девические лица, на эту оживленную беготню, слушая этот непоследовательный, но ласковый ко всем, на всё готовый, исполненный надежды лепет женской молодежи, слушая эти непоследовательные звуки, то пенья, то музыки, испытывал одно и то же чувство готовности к любви и ожидания счастья, которое испытывала и сама молодежь дома Ростовых»* [7, 48]. Во-первых, в один комплекс объединены два вербоида: *испытывать любовь и испытывать счастье*. Во-вторых, осуществлена конкретизация семантики именных компонентов *любовь и счастье* распространенными экспликаторами *чувство готовности* (к любви) и *чувство ожидания* (счастья). В-третьих, компонент *счастье* получает семантическое подкрепление повтором десемантизированного глагола *испытывала* с заместителем этого компонента местоимением *которое*.

Итак, деривационные свойства вербоидов обладают способностью легко входить в текст, акцентируя внимание на именных или глагольных компонентах, способностью «распадаться» и в результате перераспределять, «передислоцировать» составляющие их компоненты для структурно-семантической корректировки определённого текстового фрагмента, способностью интеграции вербоидов – объединения в определённый функциональный комплекс нескольких именных предикатов при одном дериванте, представляющий своеобразный «стусок», фокус значений.

Литература

1. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / Л. Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 15: Статьи об искусстве и литературе. – 1964. – 480 с.
2. Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / И. А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 6: Жизнь Арсеньева. – 340 с.
3. Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / И. А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 5: Повести и рассказы, 1917–1930. – 544 с.
4. Сидорец, В.С. Неоднословные наименования предикатного признака у восточных славян / В.С. Сидорец – Минск: РИВШ, 2014. – 268 с.
5. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (гл. редактор) [и др.; комментарии А. В. Чичерина]. – М.: Художественная литература, 1978–1985. – Т. 4: Война и мир. Т. 1. – 400 с.
6. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (гл. редактор) [и др.; комментарии А. В. Чичерина]. – М.: Художественная литература, 1978–1985. – Т. 7: Война и мир. Т. 4. – 431 с.
7. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др.; комментарии А. В. Чичерина]. – М.: Художественная литература, 1978–1985. – Т. 5: Война и мир. Т. 2. – 429 с.